

ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

12/1989

КРУГОВОРОТ

СМЕЯСЬ,
МЫ
РАССТАЕМСЯ
С ПРОШЛЫМ

Н. Травкин: Перестройка — не долгострой
Т. Лещенко-Сухомлина: страницы жизни

Признания разведчика Овидия Горчакова
Сенсация: Н. Гумилев читает стихи

Америка открывает Алексея Султанова
Робертино Лоретти 30 лет спустя

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Лужники — новая Мекка мирового рока
Песня — оружие Евгения Куликова

В нашем дворе поет Мария Иткина
Наши гости К. Кельми и Е. Белоусов

Он не верит, этот Михаил Жванецкий!
Ла Тойя Джексон! Этим все сказано

Индекс 70461

ISSN 0130—2698

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

Он назвал свою звезду звездой полей. Быть может, поэтому объявившись после его смерти многочисленные друзья поспешили провозгласить поэта «лидером «тихой поэзии». А он не был тихим. Он был пристальным. И эта пристальность взгляда, неторопливость суждений позволили Николаю Рубцову раньше и точнее многих увидеть то, что в гонке за материальным прогрессом мы зачастую отрываемся от нашего духовного начала. Жутким, апокалиптическим символом цивилизации возникает в его стихах образ гремящего, свистящего, лязгающего поезда. И хотя поэт порой утешал себя словами: «И какое может быть крушение, если столько в поезде народу?» — в целом его поэзия — свидетельство ясного и необманчивого взгляда на современной мир, на его боли и беды.

Примечательно, что в этом взгляде есть печаль, но нет тоски. Да и сама печаль по-лушкински светла, ибо сквозь разлуку и утраты, сквозь душевное смутнение и бытовую неустроенность всегда и всюду светит поэту березовая, снеговая, небесная чистота России, живая красота Родины. В ней видел Николай Рубцов и символ неумирания отечества, и залог нашего духовного обновления.

Александр ЛАВРИН

ТИХАЯ МОЯ РОДИНА

В. Белову

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.
— Где же ногост?

Вы не видели?

Сам я найти не могу.—
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.
Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травкою зарос.
Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал;
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.
Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.
Новый забор перед школою,
Тот же зеленый простор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!
Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.
С каждой избою и тучкою,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

1964

■
Я буду скакать по холмам
задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных
вольных племен!
Как прежде скакали на голос
удачи капризной,
Я буду скакать по следам
миновавших времен...
Давно ли, гуляя, гармонь
оглашала окрестность
И сам председатель плясал,
выбиваясь из сил,
И требовал выпить за доблесть
в труде и за честность,
И лучшую жницу, как знамя,
в руках пронесил!
И быстро, как ласточка, мчался
я в майском костюме
На звуки гармошки,
на пень и смех на лужке,
А мимо неслись в горохливом
немолкнувшем шуме
Весенние воды, и бревна
неслись по реке...
Россия! Как грустно!
Как странно
поникли и грустно
Во мгле над обрывом
безвестные ивы мои!
Пустыню мерцает померкшая
звездная люстра,
И лодка моя на речной
догнывает мели.
И храм старины, удивительный,
белоколонный,
Пропал, как виденье, меж этих
померкших полей,—
Не жаль мне, не жаль мне
растоптанной
царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне
разрушенных белых церквей!..
О, сельские виды!
О, дивное
счастье родиться
В лугах, словно ангел,
под куполом синих небес!
Боюсь я. Боюсь я,
как вольная сильная птица,
Разбить свои крылья
и больше не видеть чудес!
Боюсь, что над нами не будет
тайственной силы,
Что, выплыв на лодке,
повсюду достану шестом,
Что, все понимая,
без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля — останься,
мое божество!
Останьтесь, останьтесь,
небесные синие своды!
Останься, как сказка,
веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях
венчает обильные всходы
Старинной короной своих
восходящих лучей!..
Я буду скакать, не нарушив
почное дыханье
И тайные сны неподвижных
ночных деревень.

Никто меж полей не услышит
глухое скаканье,
Никто не окликнет
мелькнувшую легкую тень.
И только, страдая,
израненный бывший десантник
Расскажет в бреду удивленной
старухе своей,
Что ночью промчался какой-то
таинственный всадник,
Неведомый отрок, и скрылся
в тумане полей...

1963

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

Звезда полей во мгле
заледепелой,
Остановившись,
смотрит в полынюю.
Уж на часах двенадцать
прозвенело,
И сон окутал родину мою...
Звезда полей!
В минуты потрясений
Я вспоминал,
как тихо за холмом
Она горит
над золотом осенним,
Она горит
над зимним серебром...
Звезда полей горит,
не угасая,
Для всех тревожных жителей
земли,
Своим лучом приветливым
касаясь
Всех городов, поднявшихся
вдали.
Но только здесь,
во мгле заледепелой,
Она восходит ярче
и полней,
И счастлив я,
пока на свете белом
Горит, горит звезда моих
полей...
1964
В ГОРНИЦЕ
В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...
Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догниет совсем.
Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень,
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!
Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...

1963

Николай Травкин — один из тех, кто всеми силами двигает перестройку — не на словах, а своими делами. Многие наши читатели помнят, какой долгой и нелегкой была его борьба за внедрение новых, прогрессивных методов в строительстве. Сегодня Николай Ильич — народный депутат СССР, слушатель Высшей партийной школы. Корреспондент журнала В. Мартынов попросил его поделиться своими мыслями об итогах этого года, столь богатого событиями.

Одним из важнейших достижений этого года я бы назвал принятие Верховным Советом СССР поправок к Закону о государственном предприятии. Конечно, сделанные в Законе поправки можно критиковать, можно говорить, что не все болевые моменты они учитывают. Верно, не все. Но и эти поправки не могут не радовать тех, кто начал работать по-новому, кто не боится вместе с полученными правами брать на себя всю полноту ответственности за сделанное.

Тот, кто топчется на месте, конечно, скажет: «Мне эти поправки мало что дают, они мне до конца так и не развязали рук». Правиль-

но. Они развязали руки активным, целеустремленным коллективам, энергичным руководителям, способным думать и действовать самостоятельно. То есть Закон — это тот гарант, который обеспечивает права предприятиям и делает трудовой коллектив зависимым только от одного обстоятельства — результатов своего труда. А будем все работать не за страх, а за совесть — перестройка не превратится в долгострой.

Одновременно с поправками был еще принят Закон о налогообложении. Это, я считаю, первый за всю историю нашей страны, — не считая, конечно, нэповского периода, — обстоятельный документ не директивного, административного характера, а чисто экономического плана. И самое дельное — он не диктует, не ограничивает, сколько человек может зарабатывать, он не считает: вот столько-то — много, а столько-то — мало. Умеешь, хочешь работать — зарабатывай сколько угодно. Пора отказываться от нелепого представления о социальной справедливости — быть всем одинаково бедными. Но каждый рубль, который получаешь

НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ

На первой звуковой странице вы услышите размышления Н. И. Травкина о процессе демократизации нашей жизни.

сверх какого-то уровня зарплаты, установленного коллективом, будет облагаться налогом. Будь добр отчислай — государству тоже нужны деньги. Причем налоговая шкала, прямо скажем, драконовская. Но существует ли другой выход из создавшегося сегодня кризисного состояния нашей экономики? Не знаю. Думаю, вряд ли.

Инфляция на нас накатывается стремительно. Пробовали ее удерживать чисто административными методами — контролировать темпы роста производительности и зарплаты, добиваться их взаимной зависимости, сбалансированности. Пока не получается. А почему? Возьмем эти самые темпы роста производительности. Что они, собственно, собой представляют? Подумать только, сколько мы выполняем бестолковых работ, для общества абсолютно бесполезных, и при этом ставим рекорды производительности труда. Рекорды эти растут год от года, причем в бешеном темпе. Стало быть, и зарплата «рекордная» да еще и премиальные давай на бочку. Но ведь общество наше от этих темпов и от

Окончание на стр. 4 ▶

НИКОЛАЙ ТРАВКИН: РАЗВЕ ПЕРЕСТРОЙКА ДОЛГОСТРОЙ?

Фото Л. ЛАЗАРЕВА и ТАСС

Прошедший 12 и 13 августа Московский международный музыкальный фестиваль мира стал, несомненно, главным рок-музыкальным событием года.

Признаюсь, я человек недоверчивый. И хотя за несколько дней до фестиваля Москва пестрела красочными афишами и в профессиональной музыкальной среде только и было разговоров о приближающемся событии, я сомневался: такое глобальное мероприятие да еще с участием зарубежных звезд первой величины...

Что-то не очень верилось. Ведь в прошлом году в последний момент отменили фестиваль «Рок против наркомании», дважды срывались широко разрекламированные Госконцертом благотворительные концерты в пользу жертв землетрясения в Армении. Но когда на сцену, ярко декорированную, вышли участники группы «Скид Роу», которые стали открытием для московской публики, стало ясно — свершилось!

Впервые большая арена стадиона в Лужниках приняла 150 тысяч фанатичных поклонников рока, которые смогли познакомиться со звездами мирового уровня — «Мотли Кру», «Бон Джови», «Скорпионз», Оззи Осборн... Все было впервые. И концерт международного масштаба, и уровень оснащённости сцены аудиовизуальной техникой, и свободное поведение молодежи, которая, захваченная эмоциональными волнами, хлеставшими с подмостков, могла пританцовывать на месте, подпевать, неистово аплодировать, а служители порядка на этот раз спокойно взирали на все это и, кажется, сами были не прочь посидеть на громадном зеленом поле и включиться в общий энтузиазм.

Московский фестиваль доказал, что эмоциональные страсти публики не выплескиваются из берегов, что даже самый разудалый рок не вызовет беспорядков, если собравшиеся слушатели прониклись благородной идеей. А посвящен праздник был борьбе с наркоманией, собирающей трагическую жатву не только среди рок-звезд (вспомним Джими Хендрикса, Дженис Джоплин, Джона Бонема) и не только на Западе, но и у нас.

Конечно, кто-то может посетовать, что перечень участников ограничился в основном исполнителями в стиле «хард-энд-хэви». История этой моторной музыки знает немало дискуссий и споров, однако Московский фестиваль показал, что этот стиль прекрасно уживается на сцене с мелодичностью, музыкальной образностью («Скорпионз»), фольклорными традициями («Парк Горького»), оптимизмом и жизнелюбием («Мотли Кру», «Бон Джови»), доброй и шутовой театральностью, почти цирковым лицедейством (Оззи Осборн).

Несомненно, что пропаганда здорового образа жизни и участие зарубежных звезд были приоритетами этого фестиваля, но я обратил внимание и на другой отрадный факт — отечественные рок-группы теперь могут вполне конкурировать с признанными мастерами этого музыкального жанра.

Дебют группы «Парк Горького», детища известного гитариста-виртуоза Алексея Белова и продюсера Стаса Намина, был вполне убедительным доказательством. Музыканты, соб-

На фото:
«Бон Джови»
«Скорпионз»
«Парк Горького»
Оззи Осборн
«Мотли Кру»
«Бригада С»

ранные Алексеем из числа лучших инструменталистов страны, вокальный «акробат» Николай Носков показали, что нашей рок-музыке сегодня по плечу самые серьезные идейные и художественные задачи. Жаль, конечно, что им не хватает хороших инструментов, современной звукоусилительной аппаратуры и оснащенных по последнему слову техники студий грамзаписи. С другой стороны, было непонятно отсутствие в фестивальной программе других лидеров отечественного тяжелого рока — «Мастера», «Вист экспресса», «Коррозии металла», «Августа», «Арии», «Черного кофе», ибо советские участники фестиваля — «Нюанс» и «Бригада С» — не очень вписывались в этот концерт камерным характером звучания и не совсем четкой жанровой определенностью композиций.

Это были памятные, до предела наполненные роком два августовских дня. На моих глазах менялось отношение к нашей стране и нашим музыкантам не только у зарубежных участников, но и у влиятельных в музыкальном мире гостей.

Михаэль ван Альмсик, главный редактор журнала «Саундчек» (ФРГ): «Я получил наглядное подтверждение тому, что рок-музыка обрела в период перестройки «право на гражданство» и что вы больше не являетесь закрытой от мира страной».

Бетти Пипер, менеджер международной компании «Фонограмм»: «Приятно, что именно Москва стала местом проведения фестиваля, объединившего звезд рок-музыки в борьбе за здоровый образ жизни. Из Москвы сегодня идет много важных политических импульсов, хорошо, что к ним присоединяются и музыкальные».

А мой старый знакомый Клаус Майне, вокалист группы «Скорпионз», сказал так: «Играть в Москве — это постоянное желание нашей группы во все годы ее существования. Приятно, что это произошло, что мы можем помочь своей музыкой слабым, страдающим людям, что нас слушает такое множество молодых советских людей, симпатию к которым мы всегда испытывали».

В самом конце этого праздника, во время исполнения музыкантами различных групп задорного рок-н-ролла, в небо взвились многоцветные фигуры фейерверка и в общем танце закружились и столичные поклонники металла, и ведущие популярной программы «Музыкальный лифт», и следившие за порядком доброжелательные милиционеры. И в эти прощальные минуты подумалось: «Как хорошо было бы, если бы этот фестиваль не оказался последним и рок-музыка в столь представительном исполнении вновь зазвучала бы на спортивной арене Лужников, на стадионе, который объединил умы и души столь многих людей в эти незабываемые августовские дни». ■

Михаил СИГАЛОВ

Фото Алексея ЛИДОВА

На седьмой звуковой странице — фрагменты композиций групп «Мотли Кру», «Бон Джови» и «Скорпионз».

рекордов никакого приварка, как говорится, не имеет. Одни потери, и в первую очередь в рабочей силе, которой так нам сейчас не хватает, особенно в районах Сибири, Дальнего Востока, да и в других регионах тоже.

Как же так получается?

Все дело в том, что за точку отсчета нужно брать массу зарплат. В прошлом году, например, на нашем предприятии за квартал было выплачено два миллиона рублей зарплат. В этом году, если мы начали развивать новые производственные мощности — а государство наше всегда нацеливало на это общество, — я все равно могу выплатить коллективу зарплат только те же два миллиона. Вроде абсурд. Но, если вдуматься, оперировать экономическими категориями, то ничего тут несправедливого нет. Наоборот, считаю, что это единственно правильный путь. Самый здравый путь, по которому обязано пойти предприятие, чтобы увеличить зарплату своих работников, — это выпуск товаров народного потребления. Здесь налогов нет. Зарабатывай, работая на человека.

Нам нужно во что бы то ни стало удерживать общую массу зарплат. Как только на прилавках появятся товары — рубль начнет оборачиваться, начнет работать, и можно будет гасить инфляционные процессы.

И еще одна проблема беспокоит меня.

Вот обсудили мы бюджет на будущий год. 428 миллиардов — много это или мало? А я считаю, надс чуть-чуть вернуться назад и так спросить: а для чего вообще нужен бюджет? Если он потом часто так бездарно расходуется разными безответственными и по сути ни за что не отвечающими ведомствами, нужно ли собирать эти деньги? Или такой еще вопрос: какая часть в бюджет должна быть изъята из моего труда?

Не секрет, что сегодня мы изымаем у каждого человека более 70% заработанного им. Весь мир изымает 30—35%. И доля зарплат в валовом национальном продукте, да и сама зарплата у них гораздо выше, чем у нас. А ведь это не просто чья-то прихоть — это идеология всеобщего обобществления! Мы собираемся рассматривать бюджет следующего года, не разобравшись во всех тонкостях этого вопроса. А разобратся необходимо. Это принципиальный вопрос. И, пожалуй, единственный, к которому не подошли вплотную не только в Верховном Совете, но и даже в общественной полемике. Решить его нам еще предстоит. Всем вместе. ■

Николай ТРАВКИН

Николая Гумилева, читающего стихи, записали на фонографические валики. И за это мы должны быть благодарны профессору Института живого слова Сергею Игнатьевичу Бернштейну.

То было время бурных митингов, массовых театральных представлений, острых литературных диспутов. Еще никогда в России не звучало так много и страстно речей и стихов.

Нарком по просвещению А. В. Луначарский в то время сказал: «Человек, который молчит в эпоху политических кризисов, это получеловек. Он обязан говорить. Он обязан говорить даже тогда, когда сказать полностью свое слово означает рисковать».

Россия заговорила и заголосила даже, и нам необходимо, чтобы этот разговор приобрел как можно скорее четкость, чтобы возможно было больше таких людей, которые говорили бы то, что они думают, которые умели бы влиять на своего ближнего и которые умели бы парализовать вред влияния, если это влияние демагогическое, если это злые чары, благодаря которым тот или другой ритор побивает словом. Вот что я могу сказать как социалист и политик по отношению к возникающему институту». Как созвучны эти слова нашему времени!

Занятия в Институте живого слова вели знаменитый юрист А. Кони, лингвист Л. Щерба, режиссер В. Мейерхольд, литературовед Б. Эйхенбаум, а «Курс лекций по теории поэзии» читал поэт Николай Гумилев.

Специалист по фонетике и синтаксису, С. И. Бернштейн систематически записывал на фонограф чтения таких поэтов, как А. Блок, А. Белый, Ф. Сологуб, М. Кузмин, В. Маяковский, О. Мандельштам...

О том, чтобы записать декламацию Н. Гумилева, они договорились в начале февраля 1920 года, когда вместе, выполняя трудовую повинность, разгребали сугробы снега на Знаменской улице. К 1920 г. поэт был уже широко известен такими стихотворными сборниками, как «Колчан» и «Костер», сильно отличающимися от его ранних книг «Романтические цветы», «Жемчуга» и «Чужое небо».

Слабые стороны ранних стихов Гумилева — некоторая декоративность, манерность, подчеркнутый индивидуализм — были для многих так же очевидны, как и достоинства его поэзии. Вспомним хотя бы знаменитое стихотворение цикла «Капитаны», которое так любил Маяковский:

...И, взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,
Отряхает ударами трости
Ключья пены с высоких

ботфортов,

И ВНОВЬ ЗВУЧИТ ГОЛОС

Свое время свое исполнит
Кто не знает таланта Гумилева,
Кто не знает его поэзии,
Кто не знает его переживания.

Завтра же будет в театре:
«Душу» и
«Счастье» и
«Добро»

Здесь одна
Минута, где и
Надпись и
Их язык наш

Дорогая
С. И. Бернштейн
и
и
и

Воспоминает покинутый порт,
Отряхает ударами трости
Ключья пены с высоких

ботфортов,

Вечер
Н. ГУМИЛЕВА

БУДЕТ ПРОЧТено:
1) Драматическая поэма «Гондла»
2) Стихи из готовящихся сборников
«Шатор» и «Огненный столп».

Начало в 7 час. вечера.

ВХОД — В ЗОНЕ ИСКУССТВ — БОРКА

Или, бунт на борту
обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так, что сыплется золото
с кружев,
С розоватых брабантских
манжет.

При всей бросающейся в глаза картонажности, красивости этих строк не может не привлекать упругость их ритма, звонкость оркестровки, мужественная целеустремленность и бесстрашие героев, не волновать экзотика далеких стран и героических странствий.

Именно такие стихи, как «Старый конкистадор», «Жираф», «У камина», с их наивным романтизмом получали все большую популярность у читателей, да и ныне, пожалуй, более известны, чем некоторые прекрасные стихи Гумилева последних лет, такие, как «Память», «Слово», «Шестое чувство», «Заблудившийся трамвай»...

Многие стихи поэт писал в расчете на то, что они будут читаться вслух, ибо только в звучании они обнаруживали то важное качество его поэзии, о котором он сам однажды обмолвился: «Я говорю и думаю ритмически».

Первой записью Гумилева — напевной, подчеркнута ритмической — стало стихотворение «Осень», которое он читал на литературных вечерах особенно часто:

Оранжево-красное небо...
Порывистый ветер качает
Кровавую гроздь рябины.
Догоняю бежавшую лошадь
Мимо стекол оранжерей,
Решетки старого парка
И лебединю пруда.
Косматая, рыжая, рядом
Несется моя собака,
Которая мне милее
Даже родного брата...

Стихотворение, наполненное красками, звуками, движением, первоначально так и называлось «Картинка» (поэт посвятил его художнику М. Ларионову, с которым особенно сблизился в Париже в 1917 году). Гумилев выразительно подчеркивал голосом те разнообразные перемещения «действующих лиц», которые происходят в этой картине, столь насыщенной движением и звуками.

Еще были записаны стихотворения «Китайская девушка», «Словно ветер страны счастливой», «Об Адонисе с лунной красотой», отрывок из «африканской поэмы» «Мик» и монолог Леры из драматической поэмы «Гондла».

Тогда же профессор Бернштейн предложил провести и сеанс записи чтения Гумилева-прозаика. Одновременно просил поэта рассказать Анне Ахматовой (с которой не был лично знаком) о той исследовательской работе, которая прово-

дится в его лаборатории, и передать просьбу предоставить для изучения образцы ее декламации.

Обе просьбы Гумилев выполнил. Правда, не сразу. Эти недели и месяцы были у него предельно заполнены поэтической, переводческой и редакторской работой. Признанный «мэтр» участвует во многих литературных начинаниях того времени: состоит в художественном совете «Дома Искусств», выступает в «Живых Альманахах» Дома литераторов, на заседаниях «коллегии экспертов» издательства «Всемирная литература», ведет занятия в Литературной студии, готовящей переводчиков...

Предельно занятый, лишь в конце апреля Гумилев вместе с Анной Ахматовой пришел в лабораторию Института и на этот раз прочитал отрывок из своей новеллы «Золотой рыцарь» и большое стихотворение «Эзбекие», в котором вспоминает о своем посещении в 1907 году этого знаменитого сада в Каире.

В стихотворении есть и такая строфа:

Я женщиною был тогда измучен,
И ни соленый, свежий ветер
моря,
Ни грохот экзотических

базаров —
Ничто меня утешить не могло.
О смерти я тогда молился богу
И сам ее приблизить

был готов...

Анна Ахматова, по свидетельству мемуаристов, позже не раз говорила, что в этом стихотворении отразилась какая-то грань ее отношений с Гумилевым. Хотя они к этому времени уже два года как были официально разведены, они сохраняли друг к другу глубокое уважение и самые добрые дружеские чувства.

Для записи на фонограф Анна Ахматова выбрала стихи «Перо задело за верх экипажа», «Когда в тоске самоубийства» и отрывок поэмы «У самого моря».

В своих статьях С. И. Бернштейн дал выразительную и глубокую характеристику чтения записанных им поэтов. Он отмечал, что в ряде случаев эмоциональный дух их чтения заложен в самих поэтических произведениях. Именно этим он объяснял проповеднический пафос декламации А. Белого, ораторские интонации в контрастном сочетании с разговорностью у В. Маяковского, стиль слегка взволнованной дружеской беседы в декламации М. Кузмина. Но такие особенности поэтического чтения, как ораторский пафос С. Есенина, театральная трагичность О. Мандельштама, настроение скорбных воспоминаний у А. Ахматовой, повышенная напевность в произнесении стиха Н. Гумилевым, ученый относил к специфике декламации этих поэтов в большей

степени, чем к особенностям их поэзии. Этот вывод подчеркивает остроту тех потерь, которые понесли новые поколения читателей, лишенные возможности услышать поэтов, чьи голоса, чье чтение до них уже никогда не дойдет. Нам не дано насладиться неповторимыми оттенками их стихов, почувствовать силу и тонкость их личностей, которые проступали, когда они читали свои произведения.

Многочисленное прослушивание фоноваликов на занятиях в Институте разрушалось, местами стерло хрупкие восковые бороздки. И все же сквозь неизбежные звуковые помехи сегодняшние слушатели «Кругозора» могут услышать голос Николая Гумилева, донесшийся до нас из 1920 года.

У этой коллекции была трудная судьба. Однажды вместе с профессором С. И. Бернштейном мы подсчитали, что в годы засилья вульгарно-социологических методов в нашей научно-общественной жизни хрупкие записи по крайней мере четыре года находились на грани уничтожения. В один из таких кризисных периодов (весной 1930 года) ученый предпринял трогательную и героическую попытку спасения части этого бесценного собрания. А дело было так. Накануне своего увольнения, а точнее — изгнания из Института (когда его деятельность была названа лженаучной и буржуазной), он на свой риск и страх и более чем скромные средства заказал на московской фабрике Граммтреста две пластинки, на которые были переписаны голоса Блока, Есенина, Гумилева. Но одну из гумилевских записей сохранить так и не удалось: валик с авторским чтением знаменитого стихотворения «Рабочий» был кем-то разбит — то ли по небрежности, то ли по причине злополучной «бдительности». Теперь лишь о некоторых оттенках авторской интонации, красоте и внутренней силе голоса мы можем судить, слушая запись поэта в «Кругозоре», и догадываться обо всем этом по той «имитации» гумилевского чтения, которую сделал в 1964 году на магнитофон по моей неотступной просьбе наш первый звукоархивист и историк звучащей литературы профессор Сергей Игнатьевич Бернштейн.

Ныне эта бесценная коллекция бережно хранится в отделе звукозаписей Государственного литературного музея.

Лев ШИЛОВ

На фото: Н. Гумилев.
Рисунок Н. С. Войтинской;
Н. Гумилев с сыном Левой
и А. Ахматовой. 1914 г.;
рисунок Н. Гумилева
из рукописного сборника
стихов «Персия».

На четвертой
звуковой
странице —
авторское
чтение
Николая
Гумилева
и воспоминания
о нем поэта
Николая Тихонова.
Фрагменты
стихов
Н. Гумилева
читают
А. Шварц
и С. Бернштейн.

ГУМИЛЕВА

БЫЛОЕ,
КАК ВЧЕРА...

ГОЛОСА ИСТОРИИ

Ее жизнь, словно в фотографическом процессе, вмещает два измерения: тьму и свет. Резко, контрастно. Света больше, но тьма оставила в душе и на сердце свой отпечаток — шрам.

Ее жизнь удивительна, почти невероятна. Так много она вместила: собитый, стран, людей, прошлого, разочарований, веры, любви. Ненависти? Почти нет. Впрочем, она ненавидит скупость, равнодушие. Ненавидит лагерь, колючую проволоку. Ненавидит Гитлера, Сталина, Берию.

Недавно ей предложили сыграть в кино королеву. Она поехала во Львов на съемки и предстала там королевой. В роль она почти не вживалась, ее жизнь касалась ослепительного сияния многих светил XX века: Владимира Маяковского и Дос Пассоса, Жоржа Сименона и Андре Дерена, Тихона Чурилина и Ильи Эренбурга, Лили Брик и Александра Солженицына... Особые вехи ее судьбы — первоуроднейший мастер нашего времени, несправедливо до недавнего замалчиваемый и ждущий своего открытия скульптор Дмитрий Цаплин и публицист, подвижник, сын народовольца Василий Сухомлин, чью фамилию она носит.

Татьяна Ивановна Лещенко-Сухомлина. Она училась в Колумбийском университете в Нью-Йорке, прожила там несколько лет. С каким трепетом искал я недавно в этом огромном городе места ее юности: дома, подъезды, квартиры, людей, с которыми она общалась. Я листаю книгу ее жизни...

Она жила во Франции, в Испании, на Майорке. За границу по рекомендации Горького и Луначарского был послан на стажировку скульптор Дмитрий Цаплин, ее муж. Жизнь была нелегкой, нужна нередко гостила в их доме, но даже за высокие суточные гонорары скульптор не продал ни единой своей работы. Все они потом вернулись на родину.

По профессии Татьяна Ивановна переводчица. Именно она впервые познакомила советского читателя с творчеством Жоржа Сименона, с героями одного из самых читаемых романов на земле — «Женщина в белом» Уилки Коллинза. Недавно за границей на русском языке переиздали знаменитый роман Д. Лоуренса «Любовник леди Чатерлей», не вышедший с тридцатых годов. Он, кстати, готовится к изданию у нас. Перевела роман Т. И. Лещенко-Сухомлина.

Да, еще стихи. Она писала их всю жизнь. Где тот издатель, который готов выпустить музу из клетки? Рукопись готова.

Много тайн хранит ее судьба. Одна из них не является секретом: ее страсть, ее горячая любовь к музыке, пению, гитаре. Я спросил Татьяну Ивановну: «Что для вас важнее всего сегодня: ваши телевизионные передачи, ваша съемка в кино, издание вашей книги мемуаров, ваши встречи с людьми на авторских вечерах, ваши поездки во Францию?» — «Нет, нет и нет: главное — выход пластинки с моими песнями, пение».

«Дорогой, большой друг мой! Хочу непременно сказать вам и повторить снова и снова, что в нашем домике в Лозанне вы дали нам настоящий концерт русских песен — концерт высокого мастерства и к тому же

очень волнующий. Вы владеете гитарой как профессионал, голос ваш берет за душу и придает необычайную выразительность тем старинным песням, которые вы исполняете...

Лозанна, 19 апреля 1979 г. Жорж Сименон».

— Первое мое воспоминание — о маме и музыке. Мама играет на рояле, и звуки ля-бемоль мажорного этюда Шопена сливаются с солнечным сиянием, с ароматом цветущих акаций и моря... Мы живем в Одессе, близ берега. Нам с Юрой, моим братом-близнецом, по два года. Мама была прекрасной пианисткой, ученицей Константина Игумнова.

*Умчались года,
Но в памяти так живо,
Так ярко и свежо
Былое, как вчера...*

Печальный этот романс мама пела, аккомпанируя себе на рояле. Былое, как вчера... Отец, агроном по профессии, тоже любил петь, его пение под гитару украинских песен не могло не волновать. Пела и бабушка Александра Евгеньевна. Быть может, от нее и проснулся во мне горячий интерес к народной песне и старинному романсу. Бабушкины песни — они навсегда.

Любовь к музыке прошла через всю жизнь Татьяны Ивановны и, кто знает, быть может, помогла и выжить под ударами судьбы.

Первая жестокая ее потеря — гибель четырнадцатилетнего брата-близнеца Юры в боях с белыми на Кавказе в годы гражданской войны. О нем с болью постоянно вспоминает Татьяна Ивановна. Вспоминает она и о других, не знающих пощады ударах судьбы...

Ее дом всегда открыт. Она не боится открытой двери. «Кто может прийти ко мне со злым умыслом?» — смеется Татьяна Ивановна. Общение с ней очищает и возвышает. Иные говорят: «Пора бы и успокоиться, есть ли смысл суетиться?»

Да, есть! Последние годы, годы обновления общества, людских мечтаний — обновление, взлет и ее неспокойной судьбы. Как понадобилась она людям сегодня! Как понадобилась всем ее жизнь, воспоминания, музыка, песни, ее облик на экране телевизора, открытый дом! Ее голос, в котором бьется, извините за банальность, птица жизни. Нам сегодня не хватает таких людей, умных, много переживших, все знающих. Их выкосили время, перепады истории.

Татьяна Ивановна осталась, досталась нам в награду. Хоть малой компенсацией за тех, кто не дожил. Таких же добрых и мудрых. Таких же — из нашего большого прошлого. Таких же — без которых мы не можем жить дальше.

Феликс МЕДВЕДЕВ

Фото Л. ЛАЗАРЕВА

На второй звуковой странице вы услышите рассказ Т. И. Лещенко-Сухомлиной о прожитом и пережитом.

До чего же все-таки проглядно мы относимся к своим талантам! Людям, чье дарование громко именуем народным достоянием. На словах. А на деле?..

В июле этого года Алексей Султанов, 20-летний студент Московских консерватории, вернулся из США победителем Международного конкурса пианистов имени Вана Клиберна. Победителем конкурса, престижность которого в мире сейчас, пожалуй, не меньше, чем у нашего, отечественного конкурса имени Чайковского. И что же? Много ли было телепередач, радиопрограмм, публикаций, посвященных музыканту? Были ли его сольные концерты?

Помните, как встречала Америка Вана Клиберна после его победы на Первом конкурсе имени Чайковского? Как национального героя! Между прочим, сам Ван Клиберн, приехав к нам на гастроли летом нынешнего года, сказал, что, пока существуют такие талантливые музыканты, как Алексей Султанов, он спокоен за судьбу фортепианного искусства. Что же, словам кумиров (а Клиберн, безусловно, кумир советской публики) принято доверять. Но почему мы так недоверчивы к собственным музыкальным авторитетам? Что, нет пророков в своем Отечестве? Об уникальности дарования Алексея убежденно говорили его учителя: профессор Московской консерватории Л. Н. Наумов, Т. А. Попович — педагог музыкальной школы при Ташкентской консерватории, где молодой пианист начал учебу.

Выдающиеся способности пианиста становились ясны любому слушателю концертных залов, где выступал Султанов. А играет на сцене он с семи лет. Алеше понадобилось меньше года учебы в музыкальной школе, чтобы впервые выйти на публику. И, пожалуй, уже с первых выступлений обнаружилось счастливое свойство его дарования — концертность, эстрадность, как говорят профессионалы. На сцене раскрывается все лучшее, чем одарила природа Алексея: вулканический темперамент, склонность к импровизации (профессор Л. Н. Наумов, например, говорит, что никогда не знает, какой новый вариант исполнения возникнет у пианиста на концерте), искренность... Я уже не говорю, какой эффект производит виртуозность Алексея. Меня она заставляет каждый раз вспоминать исходное значение понятия «виртуозность» — доблесть!

Вообще же мне кажется, что Алексей Султанов принадлежит к тому редкому по нынешним временам типу музыкантов, которых в пору заносить в Красную книгу, — музыкантов-романтиков, творчество которых излучает свет, ра-

дость, оптимизм... И, возможно, потому (а может, это всего лишь моя фантазия) сам склад натуры помогает музыканту справиться с невзгодами собственной судьбы. А их, поверьте, было не так уж мало у 20-летнего пианиста. Алексею часто не хватало того самого везения, которое так много определяет в жизни творческой личности. Ну, а апогеем невезения стал Восьмой конкурс имени Чайковского в 1986 году. Алексей к нему готовился упорно, и шансы его, как считали специалисты, были очень хорошими. И вот накануне открытия конкурса, репетируя в одном из классов консерватории, Але-

финалистов фамилия Султанова не была названа. Жюри почему-то решило, что дальнейшее выступление на конкурсе может оказаться опасным для Алешиной руки. Во всяком случае, такова была официальная версия жюри.

Что ж, на конкурсах всякое бывает, но этот случай уникален по своему драматизму. Перед ним меркнет даже обидная ситуация, в которую Алексей попал в 1984 году, готовясь к конкурсу имени Шопена в Варшаве. Тогда ему, после того как были пройдены все этапы отборочных прослушиваний, объявили, что по возрасту он не может участвовать в конкурсе —

На 11-ой звуковой странице в исполнении А. Султанова звучит «Мefисто-вальс» Ф. Листа (фрагмент).

5

ФОТО
А. ЛИДОВА

ЕСТЬ В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ ПРОРОКИ

ксей нечаянно уронил крышку рояля на палец. Диагноз врачей — перелом правого мизинца.

В наш жестокий век мы не раз видели, как выходят на соревнования, приняв обезболивающий укол, травмированные спортсмены. Но пианист?! Ведь работа его рук поистине филигранна! Да и действие укола длится считанные минуты. А у Алексея в программе были сочинения протяженностью свыше десяти минут...

И первый, и второй туры конкурса Алеша сыграл без каких-либо заметных потерь. А это значит, что он прочно шел в лидерах. Слушатели уже предвкушали захватывающий финал. Но вдруг... Среди

не хватает нескольких месяцев до 16 лет.

В США на конкурсе имени Клиберна фортуна повернулась к музыканту лицом, и финал конкурса стал для Алеши победным. Хочется верить, что у Алексея Султанова начинается новый жизненный этап. И подтверждение тому — успешные гастрольные поездки в ФРГ, Грецию, Францию... Но больше всех, должно быть, ждем его выступлений мы, советские любители музыки, в частности москвичи. Ведь за пять лет, которые пианист живет в Москве, он дал здесь всего-навсего один сольный концерт. Как странно, не так ли? ■

О. БОБРОВА

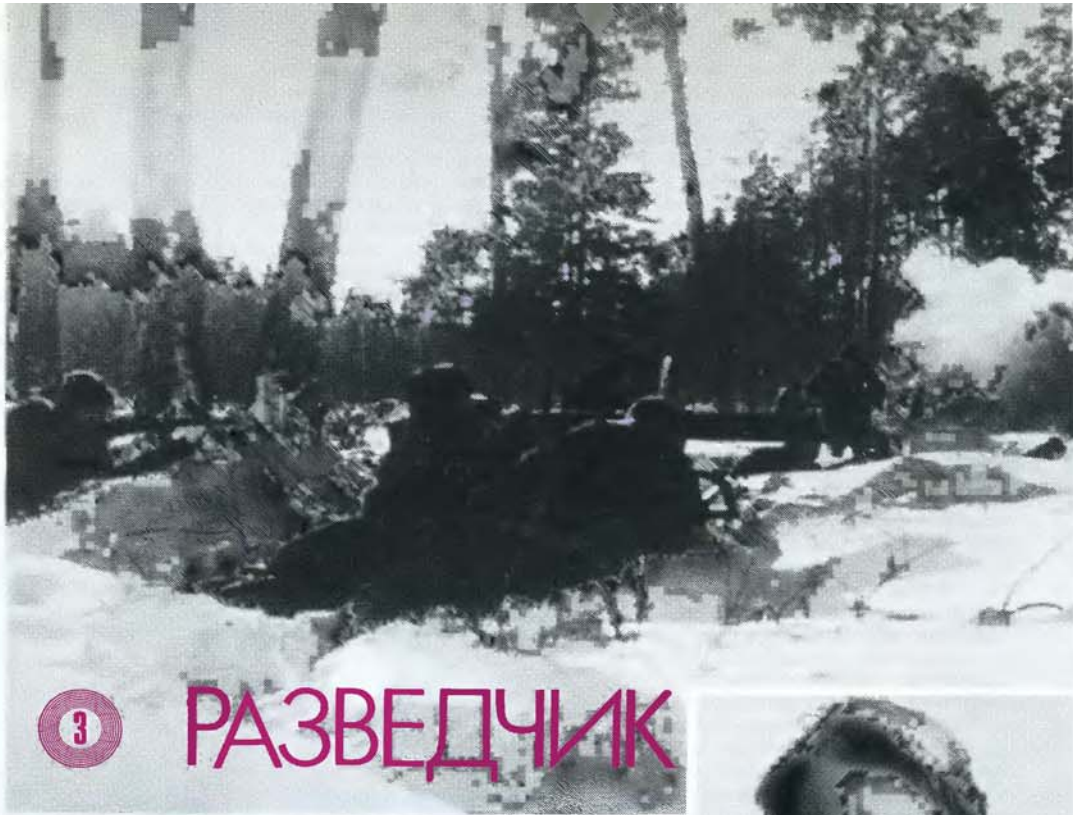
ЗНАКОМСТВА

В семнадцать лет он стал контрразведчиком. За годы войны многократно бывал в переделках в тылу у немцев. Десять раз пересекал линию фронта — и пешком, и на самолетах. Один из эпизодов его сложной и необычной судьбы нашел отражение в популярном телевизионном фильме «Вызываем огонь на себя!»

«Какие заботы, тревоги одолевают вас после того, как по вашему сценарию был снят первый многосерийный фильм о войне?» — таким вопросом начинаются многие письма в редакцию. Прихватив с собой письма, я отправилась к писателю Овидию Александровичу ГОРЧАКОВУ. Свой рассказ он начал так.

— Фильм запомнился и понравился, вероятно, потому, что в нем была предпринята попытка сказать правду о войне. Я говорю попытка, потому что правда тогда была сказана, увы, не вся. Да и, думаю, далеко не все были готовы воспринять правду такими дозами, как это делается сейчас. Мы все находились как в зачарованном сне на протяжении многих лет. Я помню, какие произведения мы тогда читали: «Кавалер Золотой Звезды» С. Бабаевского, «Счастье» П. Павленко. Эти писатели, осыпанные орденами, прославляли Сталина, а на самом деле они были просто ловкие сказочники. Что запомнилось из отечественной словесности того времени? Меня, человека военного, привлекала лейтенантская проза, как ее тогда называли, — это повести Бакланова и раннего Бондарева, романы и рассказы Гроссмана, Быкова. Они писали в своих произведениях о том, что видели и пережили сами, запомнили на всю жизнь. Страницы их книг поведали правду о войне во всем ее тяжелом и героическом измерении. Я помню, как Илья Эренбург говорил в нашем литинституте, что истинная правда о войне будет рассказана писателями, которых опалила война в 17—18 лет. И это так, потому что 30—40-летние люди были уже перегружены житейскими и другими переживаниями, связанными с эпохой Сталина.

Мне больно слышать, когда многие из моих боевых друзей, испытавшие на себе почем фунт лиха, считают, что не надо ворошить прошлое. Откуда это? Объяснение я вижу одно: они искренне служили великому генералиссимусу, свыклись со своим, по сути, рабским положением. А ведь это благодаря его «талантам» мы чуть было не проиграли войну. Интересно, что Гитлера ослепленные и одуроченные его сограждане тоже звали великим полководцем всех времен и народов. Да, они во многом были сходны, мне кажется, подражали друг другу. Как показывал мой наставник писатель Василий Гроссман в книге «Жизнь и судьба», крайности в истории

РАЗВЕДЧИК

СРАЖАЕТСЯ ЗА ПРАВДУ

На третьей звуковой странице — шесть с половиной минут из жизни разведчика.

О. А. Горчаков
(фото 1945 г.
и 1989 г.)

Фото В. ЕРШОВА
и М. САВИНА

иногда сходятся, смыкаются и уже невозможно отличить концлагерь Соловецкий от Заксенхаузена, репрессии и нравственное растапывание, которым они подвергали свои народы. Гитлеровцы называли свое движение национал-социализмом. Но там не было и тени истинного социализма. И зря у нас сейчас разгораются споры — какой был у нас социализм? Каким же может быть социализм на крови, зажатый в тиски деспотии? Это социализм не с человеческим лицом, а со зверским обликом Сталина. Социализм, каким его представлял Ленин, нам еще строить да строить.

Я часто вспоминаю, какие мы в 45-м году возвращались с войны домой — счастливые, полные надежд, жажды переделать нашу жизнь, сделать ее справедливой ко всем. Мы отстояли в тяжелейших боях независимость своей страны и вернулись к тем же репрессиям, лишениям, горестям. Из моих товарищей по разведчасти, прославленной Зоей Космодемьянской, Константином Заслоновым, редкие единицы смогли получить после войны высшее образование. Я как-то спросил своего однополчанина, где та девушка, которая бесстрашно и много раз ходила на опасное задание в разведку с З. Космодемьянской? А он мне говорит: «Мороженое продает на какой-то подмосковной станции». Неужели она не заслужила лучшей участи?

Конечно, проблем у нас накопилась прорва, но это не значит, что

мы не должны думать, беспокоиться о положении людей, испытавших все тяготы войны. Мы знаем, какие у нас авгиевы конюшни и в экономике, и в социальном устройстве, и просто в быту. Сколько же нам еще нужно сделать, чтобы расчистить нашу жизнь! Но у нас мало времени, чтобы поправить все извращения и перекосы, вернуть доверие народа.

Страшная война и сталинско-бериевские репрессии лишили общество цвета нации. Наш генофонд страшно подорван, и это не ахи и охи — это горькая правда, и помнить об этом надо всем и постоянно. Надо отбирать лучших людей, когда мы облекаем нового человека партийной или Советской властью и когда назначаем нового министра или заведующего детским садом, директора Елисеевского магазина или Большого театра. Разницы не вижу — везде должны быть профессионалы и известные люди.

Недавно среди московских литераторов проводили опрос: кто верит, что у нас в Союзе писателей перестройка идет полным ходом, набирает силу? Два процента опрошенных сказали, что верят в перестройку, остальные сомневаются в ее успехе. Вот где, как мне кажется, лежат причины того, что до сих пор нет романов и повестей, фильмов и спектаклей о нашем непростом и тревожном времени, о фанатиках и энтузиастах перемен на всех этапах нашей жизни. Много причин этого, и одна

из них — бюрократическая, командно-административная система, которая свила крепкое гнездо в нашем творческом Союзе.

Вся история нашего общества говорит о том, как много зависит от писателей, от их острого и точного слова. Вот недавно я узнал (это пока еще не подтвержденный факт), что Сталин в 1925 году встретился с Маяковским, Есениным и Пастернаком. Для чего это ему было нужно? Скорее всего для того, чтобы настроить их на культовый лад, склонить на свою сторону. Интересно, что Есенин в 1916 году был призван в армию ратником, но послан не на фронт, а в Царское Село, где он и императору Николаю II, и раненым в лазаретах читал свои стихи. Из него пытались сделать придворного поэта, приручить его, но случилось так, что он стал народным поэтом, вдохновенным выразителем надежд и устремлений человеческого рода.

Ничуть не преувеличивая своей роли в отечественной литературе, я задался писательской целью вернуть настоящего разведчика нашему народу. Теперь я смогу рассказать о глубоко засекреченном разведчике, судьба которого сложилась трагически. После выполнения архисложного и опасного задания он вернулся домой. Конечно, думал о опощении, о наградах, а вместо этого получил десять лет строгой изоляции на Лубянке. Имя его до сих пор в забвении. Я говорю о Леопольде Трепере, которого весь мир знает как Жильбера, руководителя Красного оркестра, как гран-шефа всей западноевропейской советской разведывательной резидентуры. Замалчивать его имя сегодня, не поведать о его подвиге в условиях перестройки — значит скрыть от народа еще одного ее славного сына. Он, например, утверждал, что Сталин решительно отказался обменять разведчика Зорге на какого-нибудь японского генерала. У Сталина было твердое правило: ни при каких обстоятельствах не признавать, что у нас есть разведка; значит, и Зорге не наш разведчик. Сколько вот так погибло их, бесстрашных бойцов невидимого фронта!

Чтобы людям вернуть веру в ценность социализма, нашей жизни, мы, писатели, журналисты, все, кому есть что вспомнить, должны без недомолвок рассказать всю правду. Идеалы наши не померкли, как бы ни горько было наше прошлое, как бы мы сами ни забросали его грязью. Настало время очищения, дружной работы всех на перестройку. Откладывать больше нельзя. Завтра будет поздно.

Записала
Марина НАТАЛИЧ

ЭТО БЫЛО
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

КАКАЯ Я ЖЕНА И КАКОЙ Я МУЖ?

БЕСС
И СМЕРЬ

В издательстве «Прогресс» вышла книга «Энциклопедия молодой женщины» (перевод с чешского), которая сразу же привлекла внимание читателей, особенно молодых. Это и неудивительно. На ее страницах аргументированно рассказывается о положении «слабого пола» в социалистическом обществе, в увлекательной форме говорится о том, как девушке и женщине правильно вести себя в различных жизненных ситуациях, заботиться о своей внешности, быть доброй, заботливой матерью и внимательной хозяйкой, беречь первое чувство, семью, дорожить супружеством, помочь своему ребенку вырасти здоровым и крепко встать на ноги. В книге сообщается немало полезных советов девушке, которая постепенно становится женщиной и всем укладом своей жизни стремится сама быть счастливой и сделать счастливым своего избранника.

Конечно, тираж книги (300 тысяч) явно не удовлетворит повышенный к ней интерес. Чтобы хотя бы в малой степени восполнить его, «Кругозор» в ответ на письма читателей намеревается опубликовать несколько страниц из этой книги. В этом номере журнала наши молодые читатели познакомятся с главой «Какая я жена и какой я муж?».

Американские социологи тщательно изучили 1500 супружеских пар, в результате чего написали 500 страниц отчета... Попробуем вычлени из него качества, которые присущи как женщинам, так и мужчинам с плохой приспособляемостью к супружеской жизни.

Женщины с плохой приспособляемостью: любят ссориться, не способны к проявлению подлинных чувств, эгоистичны, предаются только личным интересам, не следят за собой дома, тщеславны, излишне критичны к супругу, не заботятся о детях, плохие хозяйки.

Мужчины с плохой приспособляемостью: не имеют никаких интересов, не заботятся о материальном содержании семьи, неверны, не проявляют чувств, не способны договориться об общих делах с супругой, грубы по отношению к детям, способны к физическому насилию над женщиной, не проявляют интереса к дому, малотребовательны к собственному развитию, обидчивы.

...В жизни вообще и в супружеской жизни в особенности необходимо придерживаться умеренности и терпимости в каждом конкретном негативном проявлении. Будем помнить, что никто из нормальных людей, даже наделенных теми или иными отрицательными качествами и привычками, не ставит перед собой цели, едва вступив в брак, тотчас его разрушить...

Метаморфозы, происходящие в нас, отнюдь не заложены в нас от рождения, а развиты определенными обстоятельствами и имеют под собой весьма серьезные психологические причины. Чем дольше по времени эти обстоятельства и эти причины остаются нераспознанными, тем труднее бывает нам расстаться со своими отрицательными привычками. Чтобы избежать этого, необходимо с самого начала быть откровенными друг с другом. Человек же, на каждом шагу лгущий другому по делу и без дела, очень часто начинает лгать самому себе. Избавиться от этого вам помогут тесты, которые мы обещали привести.

Объясним, как пользоваться этими тестами. Вместо ответа «да» или «нет» вы против каждого вопроса ставите себе очки от 0 до 5. Если сумма очков, полученная вами, в итоге достигнет 100, это будет слишком хорошо, а потому будет означать, что вы лжете не только другим, но и себе. Вернитесь к тесту еще раз и постарайтесь быть более правдивой. Записав на отдельном листке полученный результат, попросите оценить вас по этому тесту вашего мужа. Не огорчайтесь, если результат мужа окажется слишком низким. Сложите результат, полученный

вашим мужем, с вашим собственным результатом и полученную сумму разделите на два. Если вы оба окажетесь искренни перед собой и друг перед другом, вы узнаете нечто такое, что будет похоже на правду о вас. (Подобным же образом полезно узнать правду о себе.)

Тесты для жены:

1. Можете ли вы вдохновить своего мужа на работу, не оказывая на него прямого давления?
2. Заботитесь ли вы о том, чтобы ваши внешность и поведение были такими же привлекательными для вашего мужа, как перед свадьбой?
3. Проявляете ли вы внимание к его родственникам и утаиваете ли свои недоразумения с мужем от своих родителей и родственников?
4. Уверены ли вы в том, что никогда не докучаете мужу мелочами, которые отравляют ему жизнь?
5. Относитесь ли вы терпимо к увлечениям вашего мужа, если эти увлечения сопряжены с определенными денежными расходами?
6. Лишена ли ваша сексуальная жизнь нездорового самоконтроля с вашей стороны?
7. Умеете ли вы проявить искренний интерес к работе мужа и удержаться от советов и критики, когда вас об этом не спрашивают?
8. Уверены ли вы в том, что вы настолько интересны вашему мужу, что он с удовольствием посвящает вам свой досуг?
9. Способны ли вы быть интересной собеседницей для его друзей?
10. Не превышают ли ваши расходы по хозяйству ваших доходов?
11. Есть ли у вас какие-нибудь долги, о которых не знает муж?
12. Считаете ли вы, что ваш дом удобен и приятен соразмерно вашим доходам?
13. Можете ли вы утверждать, что не ревнуете мужа и не даете повода для его ревности?
14. Способны ли вы говорить с мужем о ваших интимных потребностях без растерянности?
15. Стремитесь ли вы быть милой по отношению к его родителям и родственникам?
16. Можете ли вы честно сказать, что никогда не требовали от вашего мужа ничего, что могло бы испортить ему настроение, а ваше настроение при этом поднять?
17. Правда ли, что особенности вашей работы мешают вам поддерживать домашнее хозяйство на должном уровне?
18. Готовы ли вы предоставить мужу столько свободы, сколько требуете для себя?
19. Не возражаете ли вы, чтобы ваш муж имел карманные деньги и не отчитывался за них перед вами?
20. Заботитесь ли вы о внешнем виде вашего мужа, если ему безразлично, во что он одет?

Тесты для мужа:

1. Придерживаетесь ли вы принципа, что ваша жена — индивидуальная личность со своими взглядами, которые необязательно должны совпадать с вашими?
2. Не вызывает ли вашего раздражения стремление вашей жены нравиться не только вам, но и другим мужчинам?
3. Уверены ли вы, что ни ваша жена, ни дети не преодолевают психологический барьер, когда хотят приблизиться к вам?
4. Откладываете ли вы деньги на карманные расходы без ущерба для финансового положения семьи?
5. Обладаете ли вы чувством меры в вопросах секса, курения и потребления спиртных напитков?
6. Следуете ли вы правилу, что «одна голова хорошо, а две лучше», в обсуждении с женой принципиальных проблем?
7. Убедены ли вы в том, что не относитесь к жене свысока?
8. Предоставляете ли вы своей жене полную самостоятельность в ведении хозяйства и не контролируете ли при этом ее расходы?
9. Позволяете ли вы своей жене свободно тратить деньги на ее мелкие личные нужды?
10. Похвалили ли вы хоть раз за последние десять дней вашу жену за ее старания сделать ваш быт лучше?
11. Всегда ли вы помните о дне рождения вашей жены, годовщине вашей свадьбы и других семейных торжествах? Отмечаете ли эти события подарком?
12. Забритесь ли вы в ваших интимных отношениях об удовлетворении сексуальных потребностей жены точно так же, как об удовлетворении своих собственных?
13. Воспринимаете ли вы как само собой разумеющееся долю вашего участия в ведении домашнего хозяйства и воспитании детей?
14. Сдерживаетесь ли вы в критике своей жены в присутствии посторонних лиц, родителей и собственных детей?
15. Способны ли вы признаться самому себе, что ваш брак во всех отношениях удачный и вы не променяете свою жену ни на какую другую женщину?
16. Предпочитаете ли вы проводить свое свободное время с женой, а не с друзьями?
17. Если вы оба чувствуете, что вам необходимо поговорить с ребенком на щекотливую тему, берете ли вы инициативу на себя или перекладываете ее на жену?
18. Убедены ли вы, что ваша жена по-прежнему высокого мнения о вас?
19. Можете ли вы без колебаний сказать, что вы не ревнивы?
20. Предоставляете ли вы своей жене ту же свободу, какую требуете для себя? ■

Рисунок В. и А. САФОНОВЫХ

НОВЫЕ ИМЕНА

На восьмой звуковой странице слушайте в исполнении Е. Куликова и группы «Мазстро Левенгук» его песни (музыка В. Фигаровского) «Игрушечная война» и «Как все».

ООН-
НЕ КАК ВСЕ

Конкурс эстрадной песни «Юрмала-89» не так-то щедро раздает лавры лауреатов. Юрий берет в расчет красоту и силу голоса, искусство владения им, артистизм и умение держаться на сцене и, конечно же, поэтический уровень песен, их содержание. И если до этого никому не известный паренек из Пензы, солист местной эстрадной группы Евгений Куликов занимает второе место, значит, это и в самом деле незаурядный, вполне сложившийся исполнитель современной песни.

Я вспоминаю старые времена и пьесу К. Симонова «Парень из нашего города». Ее героями были наши сверстники. Мы, как и они, готовы были ринуться в любое пекло, если надо было постоять за правду и справедливость. И когда сегодня на юрмальскую сцену вышел Евгений Куликов, подтянутый, в ладно сидящем френче защитного цвета, мне показалось, что он шагнул из тех тревожных годов, которые поэт назвал сороковыми-роковыми. Он, как и те предвоенные мальчишки, тут же, на сцене, с песней, которую он хотел бы приравнять к штыку, вступил в бой с чинушами и хапугами, с лихоимцами и бездельниками — с теми, кто сегодня хочет остановить перестройку. Уже одни названия его песен говорят о социальном настрое их автора: «Игрушечная война», «Бюрократы», «Кабинетный идол»... Но самой популярной стала впервые спетая им в Юрмале и принесшая ему заслуженный успех песня «Как все».

Но он, Женя Куликов, не как все. Откуда в этом юном певце такое обостренное чувство общественной тревоги, неприятие социального зла, боль за наши беды? Кажется бы, окончил школу, выполнял общественные поручения, не очень-то активничал на комсомольских собраниях... Жил, как

все. Но вот школа позади, год прозанимался в музыкальном училище на дирижерском отделении, потом перешел к вокалистам. Преподаватель Мальвина Александровна Емелина, которую он и сегодня вспоминает с благоговением, ввела его в прекрасный мир русской классики. Но если бы она знала, что он в это же время тайно от нее постигал искусство джаза, учился импровизации, вечерами подрабатывал на танцах с группой «Последняя надежда», а потом пел в ресторане... Рабочая семья, в которой вырос Куликов, знала и трудности, и лишения.

Он всегда чувствовал чужую боль. Однажды прочитал в газете, что в Кузнецке случайный прохожий нашел в канаве тряпичный сверток с живым младенцем. Крохотное дитя, брошенное бесчеловечной матерью, казалось, своим плачем зывало к милосердию. Потрясенный этим случаем, Женя написал песню, которую вернее было бы назвать криком души, — «Пошарьте в капусте».

С годами приходил опыт, появлялось жанровое разнообразие стихов его песен, оригинальнее становились мелодии. И где бы он ни работал — в местной филармонии, в группе «Джаз-купе» или рок-группе «Мазстро Левенгук», — он и тогда, и теперь, с приходом популярности, стремился сказать нечто свое, отличное от эстрадных стереотипов.

После победы на фестивале «Юрмала-89» к Евгению Куликову пришел успех. Его имя замелькало на афишах во многих городах, но он остался таким же, каким был, — чуть застенчивым, по-мальчишески угловатым на сцене и по-прежнему скромным. А скромность на эстраде так же редка, как и настоящий талант. Оберегать бы нам и то, и другое. ■

Борис МИХАЙЛОВ
Фото А. ЛИДОВА

**ВПЕРВЫЕ
В «КРУГОЗОРЕ»**

А ПЕСЕНКА ОСТАЛАСЬ ВАМ...

Их было десятеро, они чем-то торговали. Потом одного не стало, будто и не бывало. И дальше их становилось все меньше и меньше, пока не исчезли все, осталась только песня. Таково содержание бесхитростной на первый взгляд песенки, напоминающей по построению и «Десять негрятя», и брехтовский «Зонг о десяти ворчунах», и, наверное, что-то еще, словом, бродячий сюжет.

Но вот поет эту песню Мария Иткина, и мы замечаем, как первоначальный настрой веселости и даже беспечности переходит в беспокойство, сменяется тревогой и в конце — это уже просто драма, это плач о безвозвратных потерях. А в финале опять смена настроения — преодоление боли и горечи, вера в то, что не все исчезло бесследно, что «песенка осталась вам».

Увидев и услышав раз Марию Иткину, ее нельзя не запомнить — очень уж это яркая индивидуальность, не похожая ни на кого. Впрочем, в какие-то моменты вспоминаешь и Эдит Пиаф, и Барбару Стрейзанд, и Аллу Пугачеву, и Жанну Бичевскую, и даже перуанку Имму Сумак, обладавшую невероятным голосовым диапазоном. Вероятно, многим зрителям, побывавшим на спектакле «Песни нашего двора» в московском театре студии «У Никитских ворот», такие

сравнения приходили. Сюжета как такового в этом спектакле нет, просто звучат, сменяя друг друга, народные песни, лагерный фольклор, городские романсы, уличные куплеты, оперные арии, отрывки из мюзиклов. И все это в исполнении Марии Иткиной (часто аккомпанирующей себе на гитаре) и маленького оркестра «бродячих музыкантов» — Игоря Уткина (баян), Григория Сандомирского (скрипка), Александра Кноппа (альт), Сергея Листочкина (контрабас) и Евгения Сливака (ударные).

«Кто это? Что за певица? Откуда?» — спрашивали зрители друг друга, удивляясь, что до сих пор не знали ее. А между тем уже несколько лет она была артисткой Москонцерта, иногда — очень редко — романсы в ее исполнении звучали по радио, но ее как-то не замечали. Или не хотели замечать?

— Машу Иткину я знаю давно, — рассказывает главный режиссер театра-студии Марк Розовский. — И, помимо восхищения, лично у меня ее судьба вызывает чувство горечи и даже стыда — запоздало приходит к нам этот уникальный талант. Я смею так сказать, потому что то, что она дела-

зана ей жизнью не в меньшей степени, чем родителям. Это мой Пигмалион, человек, который создал мой голос.

Идея сделать такую программу вызревала у меня давно. Точнее, это было предощущение того, что хотелось бы сделать на сцене. И все это собиралось, подбиралось вроде бы случайно, как мешок со старыми вещами, а потом вдруг оказалось, что содержимое «мешка» имеет общие стилистические признаки. И получилась программа — «Песни нашего двора».

Конечно, это не конкретный какой-то двор, мы не хотели восстановить то, что звучало во дворах в 20-е или 30-е годы, дело не в хронологических или этнографических признаках. «Наш двор» — как бы условный знак, образ нашей жизни, образ отечества. Поэтому спектакль не перегружен чрезмерными реалиями, а носит обобщенный характер.

Я беру такие реальные вещи, как «лагерный» фольклор, и хочу сказать, что они не буквально привязаны к конкретным историческим моментам, а охватывают целый пласт — «человек в неволе». Именно так я и пою, стараясь, как хор в греческой трагедии, поднять

ет на эстраде, по-моему, сегодня не подвластно никому.

Изумительный голос, артистизм, очень своеобразная внешность — Мария бывает и очень красивой, и не скажу некрасивой, но как-то очень своеобразной, не соответствующей нашим представлениям о красивом на эстраде, и это вызывает и удивление, и восторг. Сейчас, когда мне удалось собрать ее песни в единую программу и на этой основе поставить спектакль «Песни нашего двора», ее талант раскрылся в полную силу.

Маша родилась в Ленинграде, но уже давно живет в Москве. Мечтала стать певицей и только певицей, но, как она сама признается, голос у нее подходил только для домашнего музицирования. После школы поступила в Училище циркового и эстрадного искусства. Почему именно туда, а не в музыкальное?

— У меня словно было предчувствие, — отвечает на этот вопрос Мария Иткина, — что мне необходим именно набор изучаемых там дисциплин: актерское мастерство, пантомима, классический балет, акробатика, жонглирование, то есть универсальный набор для уличного комедианта. И все пригодилось.

Ну а «голосом» я занимаюсь вот уже более десяти лет у замечательного педагога Елены Николаевны Носковой и считаю, что обя-

материал на котурны — я для себя так определяю, не знаю, как это воспринимается из зала... И думаю, что «Будь проклята ты, Колыма!» — это анафема неволе вообще.

Пою я в спектакле и еврейские песни, старинные и современные. Для меня это, можно сказать, генетическая естественность, я не могу не петь песен моих предков. Правда, языка, к сожалению, не знаю, просто выучила текст. Многие песни я попросила перевести на русский язык, чтобы все слушатели могли воспринимать не только чудесные мелодии, но и прекрасный смысл этих песен.

Добавлю, что недавно Мария Иткина выступала в США, гастроль прошли с большим успехом. Телезрители могли увидеть ее в программе ленинградского телевидения «Пятое колесо», а радиослушатели — услышать в программе радиостанции «Юность» «Творчество молодых». И вот дебют в «Кругозоре».

М. СЛУЦКИЙ

Фото А. ЛИДОВА

На девятой звуковой странице — песни «Я помню тот Ванинский порт» и народная еврейская песня «Радость» (обработка Евгения Кадимского) в исполнении Марии Иткиной.

ЮМОР НАШИХ ДРУЗЕЙ

ПРАВДА О СМЕРТИ ДЖОРДАНО БРУНО

Васил ЦОНЕВ

Учась в папском лицее, Джордано Бруно понял, что Бога нет, а Христос — просто-напросто шарлатан.

Если бы он умел держать язык за зубами, его наверняка ожидала бы большая карьера. Сам папа проявлял к нему интерес, все не могли нахвалиться его исключительными способностями.

Но Бруно решил, что человеку дана одна жизнь, поскольку все равно ни рая, ни ада нет, и если он проживет ее никчемно, то по вечерам ему будет стыдно смотреть на себя в зеркало. И он начал налево и направо рассказывать о своих умозаключениях. Как и следовало ожидать, в вышестоящие инстанции доложили о крамольных мыслях Бруно, в результате чего он оказался в руках инквизиции. Инквизиторы схватили его за горло:

— Раскаиваешься?

— Да, да, разумеется! — поспешил сказать Бруно.

— И с этих пор будешь верным католиком?

— Да, да, разумеется! — ответил Бруно.

Но как только его отпустили, он задал стрекача и оказался в кальвинистской Швейцарии. Перед жевскими городскими воротами его встретила многолюдная толпа с огромным плакатом: «Да здравствует Джордано Бруно — борец против мерзкого папизма!»

Джордано обрадовался, засучил рукава и с жаром принялся писать

книги против Бога и Христа. Но кальвинистские первосвященники тут же схватили его за шиворот и притянули к ответу.

— Да погодите же вы, люди, — удивился Бруно, — вы же говорили, что у вас можно свободно дискутировать по вопросам религии?!

— Чепуха, — сказали кальвинисты, — у нас плюрализм, можно свободно говорить даже против папы, но нужно высоко держать знамя кальвинизма.

— Ну да?..

— Да, да. И если ты сейчас же не заявишь во всеулышание, что кальвинизм — единственно правильное Христово учение, то отпавишься ко всем чертям.

Поскольку Бруно прекрасно знал, что чертей не существует и это значит, что ему придется отправиться к праотцам, он склонил голову и сказал, что кальвинизм для него — единственно правильное Христово учение.

Его отпустили, и он тут же бежал к гугенотам во Францию. Там его встретили с распростертыми объятиями и плакатами: «Да здравствует Джордано Бруно — борец против мерзкого папизма и гнусного кальвинизма!»

Бруно обрадовался оказанному ему приему и засучив рукава с новыми силами продолжил писать свои сочинения против Бога и Христа. Но и гугеноты схватили его за глотку. Оказалось, что Бруно имеет право писать только против пап и кальвинистов, но ни в коем случае против Бога и Христа. Напротив, должен повсюду воздавать им хвалу, прославлять, но в свете учения гугенотов.

Бруно сказал:

— Разумеется! Прошу прощения! После чего был отпущен на свободу.

Через два дня после освобождения Бруно уже был профессором в Оксфордском университете и объяснял студентам, что Бога нет, а Христос — шарлатан.

Тогда архиепископы англиканской церкви вызвали его и сказали:

— То, что ты борешься против мерзкого папизма, гнусного кальвинизма и лицемерия гугенотов, делает тебе честь. Но должны предупредить, что если мы еще раз услышим от тебя хотя бы одно слово против Бога и Христа, во имя которого создана самая правильная религия — англиканская, то пойдешь...

И, поскольку Бруно не хотел идти туда, куда его собирались послать, он согласился направо и налево расхваливать англиканскую церковь, в результате чего оказался на свободе и бежал к протестантам Лютера.

На этот раз плакат, который несла толпа, встречая его, выглядел так: «Привет Джордано Бруно —

смелому борцу против мерзкого папизма, гнусного кальвинизма, лицемерных гугенотов и презренных англиканцев!»

— Ну хорошо, — спросил Бруно, — а могу я писать против Бога и Христа?

— Упаси господь! Типун тебе на язык! — ужаснулись лютеране. — Ведь именно во имя Бога и Христа создано самое правильное учение — лютеранство!

— Ну, коли так, тогда до свидания! — пожал им руки на прощание Бруно и вернулся в Италию.

«Коли так, то придется работать нелегально, — решил он, — хотя бы на итальянской земле. А ежели меня схватят, скажу, что раскаиваюсь, и дело в шляпе!»

Через несколько месяцев до него добрались, и ему пришлось предстать перед судом инквизиции.

— Я искренне раскаиваюсь, — сказал Бруно. — Простите меня!

— Хорошо, — ответили инквизиторы. — Иди и проповедуй среди людей самое правильное Христово учение — католицизм.

Но когда он вернулся в тюрьму, чтобы взять свою одежду, соседи по камере сказали ему:

— Ты понял наконец, почему твое учение против шарлатана Христа никогда не будет принято людьми?

— Почему? — спросил Бруно.

— Потому что Христос, будь он шарлатаном или нет, согласился, чтобы его распяли на кресте. И люди поверили ему не столько из-за его учения, сколько потому, что он был распят за свои проповеди.

К тому времени Бруно уже перевалило за пятьдесят. Соблазны жизни уже не прельщали его. «А что, — задумался он, — если это действительно так, то придется сгореть на костре, чтобы спасти своей смертью человечество от шарлатанского Христова учения!»

После этого он вернулся к инквизиторам и заявил, что Бога нет, а Христос — шарлатан. Инквизиторы пожалы плечами и разложили костер. Когда языки пламени начали лизать ноги Бруно, его осенила внезапная мысль. «Господи, — подумал он, — если после моей смерти люди поверят в мое учение и каждое мое слово превратится в догму, и каждое мое действие станет символом, не начнут ли сжигать тех, кто думает иначе?»

Эта мысль показалась ему такой страшной и настолько вероятной, что он раскрыл рот и закричал:

— Я раскаиваюсь! Отпустите меня!

К сожалению, духовой оркестр, специально приглашенный для этой церемонии, играл настолько громогласно, что никто не услышал его последних слов.

Рисунок М. ЗАРЕЦКОГО

Мы почти смирились с тем, что звезды мировой эстрады возникают на нашем небосклоне, когда их свет начинает меркнуть. Примерно с таким настроением ожидали мы появления в Москве и легендарного Роберто Лоретти. Когда-то его популярность у нас была феноменальной. Им восхищались, его боготворили, его ангельский голос звучал чуть ли не в каждом доме.

Неумолимое время слегка затусшевало образ маленького «апеннинского соловья», но наша публика упорно не желала забывать своего кумира.

Уступая просьбам почитателей таланта Робертино, фирма «Мелодия» в 1986 году выпустила новый диск с его детскими записями, хотя давно уже существовал взрослый, вполне сложившийся певец Роберто Лоретти. Однако он нам был почти неизвестен, и мы питались слухами. Например, о том, что Роберто, имевший бешеный успех за рубежом, совершенно неизвестен в Италии. Подтвердить или опровергнуть это мог только сам Лоретти, к которому я и отправилась. Меня встретил очень живой, экспансивный человек с совершенно удивительной, лучезарной улыбкой, выглядевший моложе своих 42 лет. Он живо включился в разговор.

— Роберто, насколько справедливы разговоры о вашей непопулярности на родине?

— Несправедливы. В Италии я пользовался широкой известностью. Участвовал во многих престижных конкурсах и не раз выходил победителем. Первая пластинка, выпущенная в Сан-Ремо, вышла миллионным тиражом. А это

для Италии внушительная цифра. В том, что это высказывание Роберто не отражает тщеславия закатившейся звезды, меня убедила кассета, записанная им в 1989 году. Ах, если бы мы чаще слышали на эстраде такое пение! Ошеломленные вокальными конвульсиями современных рок-певцов, мы стали забывать, что неоспоримой ценностью артиста все же остается его голос. Красивого тембра, свободно льющегося голос Роберто меня, признаюсь, очаровал, хотя его искусство остается вполне традиционным. А имеет ли значение для него музыкальная мода?

— Сами итальянцы, — утверждает певец, — называют меня «последним из могикиан» традиционной итальянской песни. И я горжусь этим. Современные ритмы, конечно, не могут не воздействовать на меня, но моя суть остается неизменной...

Лоретти прекрасно понимает, что значило его имя для нашей публики. Почему же тогда нам так долго пришлось ждать его появления?

— Я все эти годы стремился приехать в Советский Союз, потому что знал, как относятся ко мне советская публика. Когда я был мальчиком, мои импресарио — их было трое — возили меня по всему миру. Но русский рынок не входил в орбиту их интересов.

— А правда ли, что они нещадно эксплуатировали талант маленького Робертино, о чем писали тогда в нашей прессе? Каким вам запомнилось ваше детство?

— Прекрасные годы! Ощущение, когда публика тебя обожает, непередаваемо... Я зарабатывал астрономические суммы. За один вечер

ГОСТИ МОСКВЫ

РОБЕРТИНО — ЛЕГЕНДА И РЕАЛЬНОСТЬ

На шестой
звуковой
странице —
песни «Утро»
(Р. Леонкавалло)
и «Скажи мне,
Рим»
(И. Кали,
Р. Лоретти).

6

я мог заработать столько, что на эти деньги можно было купить дом. Я рад, что смог помочь своей семье — отцу, братьям, сестрам. У нас в семье было восемь детей. Порой на меня наваливалась и бесконечная усталость. Мне иногда надо было петь два, три раза в день. В моем детстве были и свет, и тени.

— А как произошло появление взрослого певца Роберто Лоретти?

— Распространялось множество слухов о моих бесконечных болезнях, утверждали даже, что я потерял голос. Поводом, вероятно, послужила не очень приятная история, случившаяся со мной в Норвегии. Меня хотели непременно сфотографировать летящим на лыжах с горы. Я не умел кататься на лыжах, конечно, упал, получил травму, ну и оказался в больнице. Это произошло как раз в момент мутации голоса. И полтора-два года я не появлялся на сцене. А потом довольно легко вновь вышел на эстраду и запел уже возмужавшим голосом. Что же касается здоровья, то оно в превосходном состоянии.

Вероятно, прекрасному настроению Роберто способствует его хобби. Он страстно увлечен лошадьми, имеет свою конюшню, в которой держит скаковых лошадей лучших пород. Роберто производит впечатление человека, счастливого в творчестве и в семье. У него двое детей. Двухлетняя дочь, как утверждает Роберто, внешне очень похожа на него. Обладает неплохим голосом, но выбрала для себя профессию модельера. Сыну 14 лет, как раз столько, сколько было Роберто, когда взшла звезда его славы. Правда, мальчик лишен вокальных способностей. Однако у родителей это не вызывает огорчения. Все единодушны в том, что в семье достаточно одного певца. Тем более когда его зовут Роберто Лоретти.

И. ЗИМИНА

Фото А. ЛИДОВА

«ТАЛАНТ ДОЛЖЕН ЖИТЬ ЛУЧШЕ, ЧЕМ БЕЗДАРНОСТЬ!»

«Я сам лично не знаю, как страной командовать, — меня никто не учил, но я же и не берусь. Так, может, подыскать тех, кто знает, особенно на местах, где мы все живем», — говорит Михаил Жванецкий в своем монологе «Верю — не верю», который вы можете послушать на одиннадцатой звуковой странице.

Сейчас уже трудно припомнить, сколько раз за пятнадцать лет нашего знакомства мы встречались с Михаилом Михайловичем Жванецким, ставили на стол магнитофон и говорили, часами говорили обо всем на свете. Часть наших разговоров опубликована в различных газетах и журналах в виде интервью или бесед. Но вот на одной из пленок я обнаружил небольшой монолог, которым разразился Жванецкий на простой, как мне представлялось, вопрос: «Что происходит с эстрадой?» Ответ привожу по записи с небольшими сокращениями.

— Что происходит с эстрадой? Надо дать ей слово! Хватит петь, хватит глушить публику японской аппаратурой. Надо выходить и говорить...

Хорошее может оценить каждый. За плохим надо следить. Почему актер чрезвычайно низкого уровня получает звание заслуженного? Надо публике как-то объяснить...

Не на звание она приходит, не на фамилию, а на ИМЯ... Но все-таки публике надо объяснить, почему тот, кто собирает дворцы спорта,

пользуется огромным успехом, — без звания? А этот, со званием, идет к нему в нагрузку? Или звания даются за что-то другое: за общественную работу, за профсоюзную деятельность? Тогда не надо звать его артистом, а сказать: «Сейчас заслуженный организатор прочтет для вас стихи!»

Что происходит с эстрадой? Мало отмечают заслуги артистов эстрады. Артист выходит один на один с пятнадцатью тысячами зрителей и держит их в напряжении два часа. А звание получает другой...

Надо давать звания авторам, пишущим для сотен тысяч зрителей...

Обидно всем. Обидно мне. Это разговор и обо мне тоже.

Юмористов, сатириков пока очень мало. И невыгодно не давать им слово. Это так же невыгодно, как не топить зимой. Не надо их отталкивать, надо к ним присоединяться.

Эстрада наша отличается тем, что совершенно отсутствует институт продюсеров, меценатов. Создание личности — дело собствен-

ных рук. Талант должен быть пробивным! Сам пробивать, сам организовывать себе рекламу. Наше телевидение талантов не открывает, но пользуется ими.

Никто не ищет способных студентов, не растит, не следит и не радуется. Пятнадцать рублей за полный зал, за ажиотаж. Пятнадцать — за час «кровавой» концертной работы и пятнадцать — за две минуты выступления! Разве полный зал не есть конечный результат? И тридцать тысяч рублей прибыли за вечер — плохая отдача от одного таланта?!

Талант должен жить лучше, чем бездарность! Пока этого не произойдет, зритель будет покидать дворцы и залы кинотеатров разочарованным.

Собирают дворцы спорта немногие. В стране их человек пятнадцать. Значит, эстрада нуждается в первую очередь в здоровом смысле и живом слове...

Как говорил один мой знакомый: «Да здравствует союз науки и разума!» То же и в нашем деле...

Монолог выслушал и записал Владимир АЛЬБИНИН

Да, да, да, именно, именно, именно за все нужно сказать «спасибо». Слава богу, пообещал, слава богу, послал, проснулся — спасибо, заснул — благодарю. Слава богу, одетый, на ногах, спасибо, штаны, на голове, большое спасибо, шляпа. И не надо роптать, критиковать, подсмеиваться. Эти облезлые роптаны только портят. Сидишь, слушаешь — дрожишь: как он не боится? Что ж, все боится, он один не боится? Боится, наверное, еще больше, но не может: в душе у него свиристит и произрастает. Вздутье живота от мыслей. Я считаю: раз лучше, чем было, — молчи, чтоб не сглазить, тьфу-тьфу-тьфу, тьфу-тьфу-тьфу.

Что толку вперед смотреть, когда весь опыт сзади! Я же все помню: вначале соли не было, потом мыла не было, потом дяди не было, потом тети не было. Сейчас все они есть. Так что мне и детям моим на веки веков спасибо и аминь! Никакой инициативы. Глаза в землю — и вдоль стены. Лифтом — вжик! — в кровать — шасть! — пледом —

ДА, ДА, ИМЕННО!

швырк! — и сидишь в пледу. И никакой выдумки. Ты придумай, ты же и будешь делать, тебя же и накажут, что плохо сделал.

Спасибо за то, что живу, что существую. Ура, что проснулся, виват, что поел. Никаких разносолов, салатов, соусов — не хочу привыкать. За кефир отдельное спасибо всем. При встрече с корреспондентом — предельный оптимизм, как только лицо выдерживает! Никто меня не спрашивал, я сам прорывался к микрофону, кричал: «Спа-си-бо! Молод-цы!» За сто пять в месяц — спасибо, за сто десять — большое спасибо, за сто пятьдесят — балуете, за сто двадцать — объясните за что.

С детства мечтал зубы вставить. Вставил — спасибо: опухшептивляющая мешты.

Слыщу, человек проворовался, посадили. Правильно. Оправда-

ют? Правильно! Обругают — верно, толкнут — правильно, пошлют — спасибо.

Жена уходит — хорошо, жена вернется — хорошо! Одному хорошо и с семьей хорошо. Много есть — хорошо, немного есть — хорошо, пить — хорошо и не пить — хорошо. Все вокруг хорошо!

Я о своих раздумьях во все организации пишу. Ну какому нормальному человеку придет в голову сесть и написать, что ему хорошо? Нормальному не придет, а умному придет. Потому что адрес и фамилия; и все знают, что ему хорошо, официально хорошо. Он уже никаких сомнений не вызывает.

А что вы критикуете? Кто рассказывает? Кто смеется? Кто плохо приказал? Кто плохо исполнил? Сами же все, сами. Что ж мы про себя так остроумно замечаем, а потом так тонко хохочем? Потому что кажется, что не про себя? А про кого? Только себе и спасибо за все. Мо-лод-цы!

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ

**На десятой
 звуковой странице —
 песни
 «Девочка моя, синеглазая»
 (В. Дорохин, Л. Воропаева)
 и «Ночное randevu»
 (К. Кельми, К. Кавалерян).
 Исполняют Е. Белоусов
 (на фото сверху)
 и К. Кельми.**

Фото А. МАРШАНИ
 и А. АСТАФЬЕВА

■ «Кругозор»!
 Главное в журналистском деле — оперативность. Мне кажется, что именно ее вам и не хватает. Почему бы сейчас не опубликовать песни, которые занимают первые места в хит-парадах? Ведь завтра эта песня может уже и не быть первой. Время не стоит на месте. Фирма «Мелодия» скоро выпустит пластинки с песнями «Ночное такси», «Девочка моя, синеглазая», а в вашем издании они так и не появились. Не отставайте от жизни! Я знаю, что это не так просто, но это единственный путь. Держите форму!»

Н. Борисов, г. Тюмень

От редакции: *Благодарим за совет. Выполняем пожелание уже в этом номере.*

■ «Не люблю всякие новомодные термины, но хочется спросить: а есть ли у нас концепция вывода страны из тяжелейшего состояния? Неужели у нашего правительства нет конструктивных предложений, как улучшить нашу жизнь? Ведь есть же у нас прекрасные ученые, экономисты, а жизнь наша продолжает ухудшаться. Куда исчезают товары? А ведь хочется красиво выглядеть, но как этого достичь? Много тратится времени и сил в погоне за дефицитными товарами, но все зря. А ведь можно было потратить это время на воспитание детей, занятия спортом и т. д. Так все-таки почему же так печально обстоят наши дела? Разъясните, пожалуйста, читателям, если сможете».

А. Виноградова, г. Грозный

От редакции: *Живем так, как работаем.*

■ «У меня есть несколько критических замечаний. К сожалению, очень часто вместо песни слышишь с пластинок вашего журнала какие-то кусочки обрывки, бывает, что одна песня налезает на другую. К тому же ни одна песня не начинается с первого куплета, а также не заканчивается собственной концовкой. На мой взгляд, это издевательство над слушателями. Пожалуйста, учтите это замечание».

А. Н. Бухтенков, г. Тула

От редакции: *Это вечная проблема — дать на пластинке больше песни.*

■ «Как-то прочла на страницах вашего журнала о том, что разводы стали обычным явлением в нашей жизни. Да, к сожалению, это так. Упала нравственность среди молодежи, возросло число преступлений. Но как бороться с этим? Надо что-то делать. У меня растет дочь, и я очень боюсь за ее будущее. Ее подружки курят, сквернословят, я уже не говорю о том, что красятся, и это происходит в 9-м классе. Мне кажется, что средства массовой информации как-то мало уделяют внимания проблемам нравственного воспитания. Слишком уж увлеклись проблемами рок- и поп-музыки».

С. Иванова, г. Чарджоу

От редакции: *За все средства массовой информации ответить не можем, а сами постараемся учесть этот упрек.*

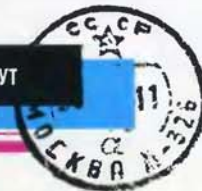
Рисунки Е. ВАСИЛЬЕВА

Конкурс «Вокруг звука» продолжается...

НАМ ПИШУТ

Научно-технический центр «Москворечье» принимает заказы от государственных предприятий, организаций, кооперативов и частных лиц по следующим направлениям:

ОХРАНА ТРУДА.

Производятся аттестация и паспортизация рабочих мест; замеры физических факторов производства (шум, вибрация, освещенность); метеоусловий, электромагнитных полей и излучений; разрабатываются мероприятия по нормализации параметров на рабочих местах.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА.

Осуществляются научно-техническая и санитарно-гигиеническая экспертизы и контроль по работам, выполненным другими хозяйственными организациями; обосновываются заключения по их качеству и научно-техническому уровню.

РЕКЛАМНЫЕ РАБОТЫ.

Возможно создание кинофильмов (16 мм и 35 мм), видеофильмов, клипов, рекламных роликов, слайд-фильмов, радиофильмов и радиоклипов, производство звукозаписей; подготовка материалов для телевизионных и радиопередач (включая киносъемки и видеозаписи), материалов для рекламы в прессе, печатной рекламы (плакаты, буклеты, календари, брошюры и т.п.).

ПРОЕКТИРОВАНИЕ И ПРОИЗВОДСТВО НОВЫХ МОДЕЛЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЗВУКОУСИЛИВАЮЩЕЙ И КИНОТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ АППАРАТУРЫ

для телерадиоцентров и киностудий:

портативные телекамеры цветного телевидения; телекинопроекторы 16 мм и 35 мм; комплексы видеоэффектов с возможностью компьютерной мультипликации; аппаратура тонировки и перезаписи «электронная петля»; аппаратура многоканальной звукозаписи; радиомикрофоны; устройства стабилизации киносъемочного аппарата при съемке с движущихся объектов; портативные осветительные приборы для хроникальных съемок; операторские краны;

для студии звукозаписи:

24-канальные студийные магнитофоны; цифровые реверсераторы; микшерские пульта;

для кинотеатральных залов и съемочных павильонов:

системы программированного автоматического управления осветительными приборами; системы озвучивания залов; системы кинопроекции; лазерные системы оптических эффектов с программным и мануальным управлением.

НТЦ «Москворечье» приглашает специалистов, работающих в перечисленных областях, участвовать в совместной работе по договорам.

Фото Л. ЛАЗАРЕВА

«МОСКВОРЕЧЬЕ» ПРЕДЛАГАЕТ...

Обращаться по адресу:

109017, Москва,
ул. Пятницкая, 36,
тел.: 231-29-72;
231-04-74;
231-80-53;
231-49-13;
231-16-03.
Телекс: 412104.

W E F R T U V X Y Z
A B C D E F G H I J
K L M N O P Q R S T U V W X Y Z

Представляю себе, как эта история описывалась бы в американской прессе, наступив вдруг в Новом Свете гласность типа нашей: «Неудивительно, что стали и остаются популярными Джэнет, Жермен и Ла Тоия Джексон, ведь они все связаны родственными узами с пресловутым Майклом Джексонем, который еще во время правления президента Рейгана сколотил себе на лег-

комысленных песенках многомиллионное состояние, построил шикарные дачи на Тихом океане и даже устроил в одной из вилл личный зоопарк. Неужели и при президенте Буше в американском шоу-бизнесе будет процветать семейственность, а «золотые семьи» — присуждаться семьям, в которых их и без того полно!» Да, историю этой многодетной семьи типичной не назовешь. Даже

в сказках на дом приходится обычно одна золушка, а здесь все вроде бы уже хорошо, так нет, еще одна из сестер «его страннейше-ства» (так называют в прессе Майкла) решила стать суперзвездой, чтобы дома куском не повиднот. «Вон-де Майкл с утра до ночи шлягеры строчит, победнел аж весь, с лица спал, один нос торчит, а ты...»

Шутки шутками, но Ла Тоия Джексон в этом году резко приударилась в погоню за уже известными родственниками.

В апреле ей посвятил обложку и большую статью (с фото, естественно) журнал «Плейбой». Фотографии (достигшие уже московского Рижского рынка) показывают, что певица не «с жиру бесится» — даже наряды брата, не отличающегося полнотой, ей были бы велики. Впрочем, песни Майкла, как показали концерты в Лас-Вегасе, приходится Ла Тоие в самый раз. Да и в костюмах она иногда ему подражает, а на фото посмотришь — просто одно лицо. Хорошее, по моему, лицо.

Не знаю, чего уж Джексонсы себя так унижают: один поет «Я — плохой, я плохой!», а теперь и сестра подпекает то же в песне «Плохая девчонка». Но это, оказалось, о поведении разговор, не о внешности. Ла Тоия рассказывает, что первую ее звукозапись произвел как раз Майкл — набросал (помните о его любви к животным?) ей в кровать пластмассовых заводных пауков и скорпионов, а сам за дверью устроился с микрофоном.

Прорезавшийся таким образом голос Ла Тоия долго таила в кругу семьи, а недавно вынесла и на суд слушателей — пластинкой со скромным названием «Ла Тоия». Спорить о ее качестве предоставим вам, а тем, кто решит стать поклонником новой звезды из клана Джексонов, сообщаем по секрету: для записи пластинки в «Кругозоре» использовалась та же самая фонограмма, под которую певица пела на прошедших недавно в Москве концертах фестиваля «Мюзик-Саммит» в спорткомплексе «Олимпийский». Ну а если вам покажется, что где-то вы это уже слышали, то, значит, и в мире наживы и чистогана пора начать борьбу с семейственностью и рок-групповщиной.

Андрей ОРЛОВ

Фото С. БОРИСОВА

Цена 1 р. 50 к.

На двенадцатой звуковой странице Ла Тоия Джексон поет свои песни «Никто не любит тебя, как я» и «Плохая девчонка».